

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.132-150

Гласность судебного разбирательства по уголовным делам: баланс публичных и частных интересов

Елена Викторовна Марковичева¹,
Татьяна Кимовна Рябинина²

¹ Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация

² Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская
Федерация

¹ markovicheva@yandex.ru, ² tatyana.kimovna-r@yandex.ru

Аннотация

Введение. В российском уголовном процессе гласность судебного разбирательства закреплена на уровне одного из его условий. Однако по своей сути она представляет конституционный принцип, отраженный в нормах уголовно-процессуального закона. Ограничение действия такого принципа не может быть произвольным и допускается только в целях обеспечения охраняемых законом частных и публичных интересов. Данная статья посвящена анализу действия принципа гласности в российском уголовном процессе. Исследование сложившихся нормативных подходов к ограничению открытости судебного разбирательства по уголовным делам может стать отправной точкой для научной дискуссии по данному вопросу и для формулировки предложений по изменению законодательства.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные работы в области организации судебной деятельности, уголовно-процессуального права, посвященные проблематике учета публичных и частных интересов при обеспечении гласности судебного разбирательства по уголовным делам. С применением формально-юридического метода исследования были определены особенности нормативного регулирования гласности при рассмотрении судами уголовных дел. Использование сравнительно-правового метода исследования позволило выявить вариативные подходы, гарантирующие соблюдение баланса частных и публичных интересов при обеспечении гласности судебного разбирательства.

Результаты исследования. В статье раскрываются основные подходы в российском уголовном процессе к поддержанию судом баланса частных и публичных

интересов при решении вопроса о проведении закрытого судебного разбирательства. Анализируются нормативные подходы к открытости правосудия по уголовным делам, предлагается ряд проблемных вопросов для дальнейшей продуктивной научной дискуссии.

Обсуждение и заключение. Деятельность суда по соблюдению баланса как публичных, так и частных интересов не должна приводить к необоснованному ограничению конституционных принципов правосудия и допустима лишь при наличии соответствующих правовых и фактических оснований в минимально необходимом объеме. Авторы полагают, что требуется научная разработка вопросов обеспечения прав участников процесса в ситуациях, когда гласность уголовного судопроизводства оказалась ограничена.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, гласность уголовного судопроизводства, публичные и частные интересы

Благодарности: публикация подготовлена в рамках государственного задания по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Марковичева Е. В., Рябинина Т. К. Гласность судебного разбирательства по уголовным делам: баланс публичных и частных интересов // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 132–150. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.132-150.

Original article

Transparency of Criminal Proceedings: Balance of Public and Private Interests

Elena V. Markovicheva¹, Tatyana K. Ryabinina²

¹ Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

² South-West State University, Kursk, Russian Federation

¹ markovicheva@yandex.ru, ² tatyankimovna-r@yandex.ru

Abstract

Introduction. In Russian criminal proceedings, the transparency of the trial is fixed at the level of one of the conditions. However, at its core, it represents a constitutional principle reflected in the norms of criminal procedure law. Limitation of the operation of such a principle cannot be arbitrary and is permitted only in order to ensure private and public interests protected by law. This article is devoted to the analysis of the operation of the principle of publicity in Russian criminal proceedings. The study of existing regulatory approaches to limiting the openness of criminal proceedings can become a starting point for scientific discussion on this issue and for the formulation of proposals for changing legislation.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was scientific work in the field of organization of judicial activities, criminal procedural law, devoted to the issue of taking into account public and private interests while ensuring the transparency of criminal proceedings. Using the formal legal method of research, the features of the normative regulation of publicity when courts consider criminal cases were identified. The use of the comparative legal research method made it possible to identify variable

approaches to ensuring a balance of private and public interests while ensuring the transparency of the trial.

Results. The article reveals the main approaches in Russian criminal proceedings to ensuring the court balances private and public interests when deciding whether to conduct a closed trial. Regulatory approaches to openness of justice in criminal cases are analyzed, and a number of problematic issues are proposed for further productive scientific discussion.

Discussion and Conclusion. Ensuring the balance of public and private interests by the court should not lead to unreasonable restrictions on the constitutional principles of justice and is permissible only if there are appropriate legal and factual grounds to the minimum required extent. The authors believe that scientific development of issues of ensuring the rights of participants in the process while limiting the publicity of criminal proceedings is necessary.

Keywords: criminal process, court, transparency of criminal proceedings, public and private interests

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the state assignment on the topic "Transformation of private and public law in the context of an evolving individual, society and state" (No. 0851-2020-0033).

For citation: Markovicheva, E. V., Ryabinina, T. K., 2024. Transparency of criminal proceedings: balance of public and private interests. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 132–150. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.132-150.

Введение

В российском уголовном процессе к настоящему времени нормативно закрепился подход, предполагающий некую дифференциацию уголовно-процессуальных принципов и общих условий производства процессуальных действий в отдельных стадиях и производствах. Предположим, что мы имеем дело с не очень удачной попыткой законодателя решить задачу ограничения одних основополагающих норм, действующих на протяжении всего производства по уголовному делу, от других, также фундаментальных норм, но действующих в ограниченных процессуальных рамках. У такой легальной конструкции есть свои плюсы и минусы, и она достаточно давно является предметом научного обсуждения. Не углубляясь в детали такой дискуссии, согласимся с точкой зрения Л. М. Володиной относительно того, что «система принципов уголовного судопроизводства, точнее, то, что понимается под этим, – сложное правовое явление. Явление неустоявшееся, нестабильное, несмотря на существование разнообразных перечней конкретных и повторяющихся терминологических конструкций, включаемых в нее в качестве элементов» [Володина, Л. М., 2016, с. 54].

Тем не менее отметим, что невключение в систему уголовно-процессуальных принципов отдельных норм не может быть оставлено без внимания именно в контексте тех задач, которые решает современное уголовное судопроизводство. Конструкция ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) четко ориентирует правоприменителя на поиск некоего оптимального баланса между публичным общественным интересом, который имманентно присущ уголовному процессу, и частными интересами отдельных участников процесса и иных лиц, права и свободы

которых могут быть ограничены системой уголовно-процессуального принуждения. Публичность как основа всей уголовно-процессуальной деятельности получила специальное закрепление и на уровне ст. 21 УПК РФ [Каминский, Э. С., 2018, с. 272].

В этой связи понятно включение в главу вторую УПК РФ ряда конституционных положений, которые по своей сути являются судоустроительными принципами, применимыми к различным видам судопроизводства. Например, таким принципом является принцип независимости судей, легализованный в ст. 8.1 УПК РФ в 2013 г. Но одновременно возникает следующий вопрос: почему другие конституционные положения не получили статуса принципов и были закреплены на более низком уровне в иерархической системе уголовно-процессуальных норм? И этот вопрос с полным основанием возникает при попытках осмыслить положения ст. 241 УПК РФ, закрепляющей гласность как одно из общих условий судебного разбирательства, аккумулированных в главе 35 УПК РФ.

Обращение к любому из толковых словарей русского языка позволяет увидеть в термине «условия» все те же основополагающие начала (как и у норм-принципов), без которых невозможно обеспечить тот ход судебного разбирательства, который соответствует общей концепции российского уголовного судопроизводства и его назначению. Единственным объяснением, оправдывающим такой нормативный подход, может быть лишь неготовность законодателя расширить действие данной нормы на все стадии и производства, прежде всего на стадию предварительного расследования, в силу того, как отмечают Н. С. Манова и М. А. Баранова, что досудебное производство носит розыскной характер и его успешное осуществление требует сохранения тайны данной информационной среды, что несовместимо с полной доступностью данных о деятельности следственных органов [Манова, Н. С., Баранова, М. А., 2019, с. 569–570].

Но речь не идет о противоречии между принципом гласности и охраной тайны предварительного расследования. В современном российском уголовном процессе и досудебное, и судебное производство подчинены общему назначению, указанному в ст. 6 УПК РФ. Различаются лишь конкретизированные в общих условиях производства средства достижения основных уголовно-процессуальных целей. Обеспечивая некий приоритет публичных интересов перед частными, отечественный законодатель допускает в ряде случаев охрану тайны предварительного расследования и ограничение гласности судебного заседания. В частности, допускается по ходатайству стороны обвинения в стадии предварительного расследования рассмотрение судом ходатайства следователя или дознавателя об избрании меры пресечения в закрытом судебном заседании в связи с необходимостью охраны тайны предварительного расследования. Но такое ограничение должно быть оправданным и не может носить абсолютного характера. Современные исследователи отмечают, что в досудебном производстве действует принцип гласности, но его действие может быть ограничено лицом, в производстве которого находится уголовное дело [Свежинцев, Е. И., 2017, с. 95]. Компенсация такого ограничения в определенной мере обеспечивается в судебных стадиях. Однако полноценно принцип гласности начинает работать лишь

в стадии судебного разбирательства, так как в стадии назначения и подготовки уголовного дела к судебному заседанию предусмотрено проведение предварительного слушания только в закрытом режиме.

Отметим, что в основании ст. 241 УПК РФ лежит конституционная норма, закрепленная в ч. 1 ст. 123 Конституции России. По этой причине гласность и понимается именно через открытость судебного разбирательства. В данном случае речь идет об односпектной трактовке гласности в уголовном процессе – только через общее правило открытости и публичности судебного разбирательства по подавляющему большинству уголовных дел. В этом понимании данный конституционный принцип применим и к деятельности судов проверочных инстанций, и даже к стадии исполнения приговора. В частности, из содержания ст. 389.13 УПК РФ следует, что условие гласности, закрепленное в ст. 241 УПК РФ, применимо и к производству в суде второй инстанции. Суду кассационной инстанции уголовно-процессуальный закон также предоставляет правомочия, связанные с решением вопроса о проведении открытого или закрытого судебного заседания (ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ). Судебные заседания, связанные с осуществлением судом контрольных полномочий в стадии предварительного расследования, также по общему правилу проводятся в открытом режиме. И такой подход неоднократно признавался законным и соответствующим конституционным нормам в решениях Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Очевидно, чтобы «не плодить сущности», современный законодатель не включил в содержание анализируемого понятия иные, более широкие параметры гласности, на которые исследователи обращали и продолжают обращать внимание. Например, З. В. Макарова, еще применительно к советскому уголовному процессу, писала, что «сущность гласности – доступность уголовного судопроизводства для общественного ознакомления и обсуждения», а открытость судебного разбирательства является главным его элементом [Макарова, З. В., 1986, с. 92–93]. Исследователь справедливо, с отсылками к конституционным нормам того времени, предлагала рассматривать гласность именно как принцип уголовного процесса. И эта точка зрения находит поддержку у современных исследователей, обоснованно указывающих, что невключение законодателем гласности в главу вторую УПК РФ не лишает ее признаков принципа уголовного процесса [Вилкова, Т. Ю., 2017].

Именно с этой позиции предлагается посмотреть на обеспечение судом баланса публичных и частных интересов при реализации в уголовном процессе конституционного принципа гласности правосудия.

Теоретические основы. Методы

Теоретической основой исследования явились научные работы по отдельным вопросам организации судебной деятельности, по отдельным проблемам обеспечения судом баланса публичных и частных интересов и реа-

¹ См., например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2021 г. № 391-О, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2021 г. № 2104-О. Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», если не указано иное.

лизации конституционного принципа открытости судебного разбирательства. С применением формально-юридического метода исследования были определены особенности нормативного регулирования гласности при рассмотрении судами уголовных дел. Использование сравнительно-правового метода исследования позволило выявить вариативные подходы в обеспечении баланса частных и публичных интересов при соблюдении гласности судебного разбирательства.

Результаты исследования

Обеспечение гласности судебного разбирательства по уголовным делам изначально отвечает именно публичным интересам. При этом нельзя не согласиться с исследователями, отмечающими, что «публичными правовыми интересами в уголовном судопроизводстве являются интересы правосудия в целом, которые совпадают с интересами общества и государства» [Качалова, О. В., Хроменков, И. Р., 2023, с. 182]. Еще И. Я. Фойницкий отмечал, что «уголовный процесс есть процесс публичный. В нем разрешаются интересы не частных лиц, а целого общества», поэтому «неправильно скрывать от глаз публики уголовно-судебное производство, ибо только знание всего хода его может вести к образованию общего убеждения о силе уголовного закона, о том, что он применен именно к виновному и не постиг невинного» [Фойницкий, И. Я., 1996, с. 95]. Такой же позиции придерживался и современный законодатель при определении содержания и пределов гласности в судебном разбирательстве. А в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации применительно ко всем видам судопроизводства подчеркивается, что гласность и открытость судебного заседания «...являются гарантой справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство является одним из средств поддержания доверия общества к суду»².

Понимание гласности как открытости судебного разбирательства в отечественном уголовном процессе сформировалось исторически и законодательно фиксировалось уже в ст. 620–624 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В конце XIX в., по мнению ряда процессуалистов того периода, гласность была «господствующим началом в окончательном исследовании дела в суде» [Кони, А. Ф., 2011, с. 63], «одной из самых лучших гарантий правильности судебного производства» [Фойницкий, И. Я., 1996, с. 98]. Гласность рассматривалась через системную реализацию права сторон и публики присутствовать в судебном заседании, обязанности суда публично оглашать свои решения и возможности обсуждения в прессе происходящего в суде.

Как отмечалось выше, в современном российском уголовном процессе гласность уголовно-процессуальной деятельности суда понимается исключительно через открытость судебного разбирательства. Хотя в концептуальном плане, безусловно, понятие гласности применительно к правосудию не может

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».

быть ограничено только данным аспектом, а включает также надлежащего качества информирование общества о деятельности, связанной с отправлением правосудия, т. е. некую информационную открытость судопроизводства в публичных интересах. Нельзя не согласиться с исследователями, полагающими, что такой подход способен повысить уровень доверия в обществе к судебной системе в целом [Кирющенко, И. И., 2022]. Но нормативно в настоящее время гласность сведена именно к открытости судебного разбирательства, хотя в рамках правовой науки высказывались предложения о разведении понятий «гласность» и «открытость» с тем, чтобы первый термин был ассоциирован непосредственно с процессуальной деятельностью, а второй – с организационной судебной деятельностью [Потапенко, С. В., 2020, с. 7].

Нормы ст. 241 УПК РФ одновременно и определяют открытость как общее правило, и устанавливают некий перечень исключений из этого общего правила. Перечень этот заслуживает отдельного внимания, поскольку по сути является закрытым, а соответственно, должен исчерпывающе предусматривать все правоприменимые ситуации, когда суд решает сложный вопрос о соблюдении и гласности, и баланса публичных и частных интересов. Очевидно, что, определяя в ч. 2 данной статьи те самые исключения, законодатель пытался решить сложную задачу: обеспечить баланс разнородных законных интересов и не допустить необоснованно широкого правоприменимого усмотрения.

В целом такая конструкция является достаточно распространенной и присутствует в уголовном процессе и других государств. Например, такой перечень исключений закреплен в ч. 2 ст. 291 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики³, ч. 2–3 ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Грузии⁴. Отметим, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь также закрепляет такой перечень в ч. 2 ст. 23, что не помешало размещению норм, регулирующих гласность судебного разбирательства, в главе 2, поименованной «Задачи и принципы уголовного процесса»⁵. А в Уголовно-процессуальном кодексе Азербайджана соответствующая глава получила название «Задачи, основные принципы и условия уголовного судопроизводства», что позволило включить в нее ст. 27 «Гласность уголовного судопроизводства» и закрепить в ней общее правило гласности и общие подходы к определению исключений из правила, которые потом еще конкретизированы в ряде статей данного Кодекса⁶.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 (в ред. от 3 апреля 2024 г.). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/editition/5972/ru>.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. (по сост. на 21 февраля 2024 г.). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034>.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (по сост. на 9 января 2024 г.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=HK9900295>.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ) (по сост.

Хотя, обеспечивая открытость судебного разбирательства, суд стоит на страже важного публичного интереса, закрытие судебного заседания также может быть проведено в целях обеспечения не только частных, но и иных публичных интересов. Так, принимая решение о закрытии судебного заседания в целях обеспечения государственной тайны или тайны следствия, суд обеспечивает иные публичные интересы, ценность которых в данном конкретном случае оценивается выше, чем ценность открытости для публики правосудия по уголовным делам.

В ряде случаев речь может идти и о более сложной ситуации, когда суд одновременно пытается обеспечить и частный, и публичный интерес. Например, допуская возможность рассмотрения в закрытом судебном заседании уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления до наступления шестнадцатилетнего возраста, суд решает сложную задачу. С одной стороны, он снижает репутационные риски для несовершеннолетнего от распространения информации о его противоправном поведении, с другой – суд предотвращает стигматизацию несовершеннолетнего, создает предпосылки для его ресоциализации, т. е. нацелен на реализацию тех подходов, которые составляют содержание государственной уголовной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Обратим внимание на то, что уголовно-процессуальный закон указывает лишь на право суда оценить одни законные интересы выше других и отступить от условия гласности судебного разбирательства. Речь не идет об обязанности, таковая возникает только в отношении разрешения заявленных ходатайств, касающихся открытости судебного заседания.

Хотя перечень исключений из общего правила определен, в судебной практике он не охватывает всех ситуаций, а не совсем удачные формулировки могут вызывать много вопросов. Например, уже вышеупомянутый п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, применяемый к несовершеннолетним, не является идеальной конструкцией. Норма изложена таким образом, что суд не всегда понимает, на какой момент несовершеннолетний не должен был достигнуть возраста шестнадцати лет. На практике это ведет к тому, что трактуется это положение как применимое и к не достигшим указанной возрастной границы на момент совершения преступления, и к не достигшим возраста шестнадцати лет на момент производства по уголовному делу в суде. Суды затрудняются в применении положений ст. 241 УПК РФ и в ситуациях, когда преступление было совершено подростком до достижения шестнадцати лет, а на момент судебного разбирательства на скамье подсудимых находится уже совершенолетний молодой человек [Марковичева, Е. В., 2024, с. 90–92].

Ряд правозначимых ситуаций оказался не охвачен исключениями из общего правила. Это касается целого ряда уголовных дел с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, к которым в конкретном судеб-

ном разбирательстве сложно применить положения п. 1 или 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Как показала эпидемия коронавирусной инфекции, судебная практика не всегда готова решить вопрос с открытым или закрытым судебным разбирательством при наличии эпидемиологической угрозы. Президиум Верховного Суда Российской Федерации еще в 2021 г. сформулировал свою позицию, указав: «Необходимость обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности участников судебного заседания не может являться основанием для проведения закрытого судебного заседания»⁷. Тем не менее уже после этого суды первой и проверочных инстанций нередко полагали, что эпидемиологическая безопасность укладывается в правовые основания, предусмотренные п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ⁸. С одной стороны, стремление суда ограничить распространение заболевания обусловлено логикой обеспечения значимого публичного интереса, связанного с эпидемиологической безопасностью населения. С другой – понижение конституционного базового принципа открытости правосудия в иерархии публичных интересов может быть оправданным только при соблюдении как минимум двух условий: 1) если нет альтернативных вариантов обеспечения другого публичного интереса; 2) если необеспечение иного публичного интереса может повлечь более значимые негативные последствия для общества. Рассмотрение уголовного дела, в материалах которого имеются сведения, составляющие государственную тайну, в закрытом судебном заседании как раз отвечает этим условиям. Тогда как эпидемиологическая безопасность может быть обеспечена и иными способами, в том числе через возможность отложить судебное заседание.

В том случае, когда принцип гласности ограничивается в целях обеспечения охраняемых законом частных интересов участника процесса, обоснованность такого ограничения требует еще более сложной конструкции, где частный интерес отдельного лица приобретает общественную значимость, а значит, фактически перестает быть частным интересом в чистом виде. Кроме того, в этом случае на принятие решения судом может влиять и позиция самого лица, интересы которого суд пытается защитить. Например, это касается исследования в судебном заседании сведений о состоянии здоровья подсудимого, которые охватываются понятием врачебной тайны. Всегда ли суд должен охранять такие сведения? А если подсудимый, напротив, в целях собственной защиты желает, чтобы о состоянии его здоровья узнала общественность? Или подсудимый полагает, что меньшим злом для него будет оглашение медицинской информации о его здоровье, чем ограничение его права на получение аудиопротокола судебного заседания для наилучшей защиты? Очевидно, что в нормах самого идеального

⁷ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 февраля 2021 г.).

⁸ См., например, кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 февраля 2022 г. № 77-533/2022.

закона сложно предусмотреть все многообразие ситуаций, но общий подход может быть обозначен.

Приоритет гласного правосудия над другими значимыми и охраняемыми законом интересами проявляется и в том, что его ограничение допускается только в необходимом объеме: если для этого достаточно провести в закрытом режиме только часть судебного разбирательства, то необоснованным будет закрытие всего рассмотрения уголовного дела. Обратим внимание и на то, что в каждой стадии суд возвращается к этому вопросу при наличии соответствующих оснований по собственной инициативе или при рассмотрении заявленных ходатайств. Поэтому суд проверочной инстанции не может быть связан мнением суда первой инстанции по данному вопросу.

Открытым остается вопрос относительно действия правила гласности в стадии назначения судебного заседания. Как отмечалось выше, действующее законодательство допускает проведение предварительного слушания только в закрытом судебном заседании, что прямо следует из нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 234 УПК РФ. Таким образом, действие положений ст. 241 УПК РФ не распространяется на предшествующую судебному разбирательству стадию. Эта нормативная конструкция неоднократно подвергалась критике со стороны ученых. Так, О. Ю. Гуровая видела в такой процедуре риски нарушения прав личности, неоправданного ограничения гласности и противоречие соответствующих уголовно-процессуальных норм положениям Конституции России и общепризнанным принципам международного права [Гуровая, О. Ю., 2005, с. 8]. На отсутствие открытости судебного заседания в указанной стадии обращали внимание и другие ученые при исследовании гарантий состязательности в уголовном процессе [Лотыш, Т. А., 2003, с. 7]; при раскрытии значения стадии назначения судебного заседания [Шигуров, А. В., 2006, с. 158–159].

Полагаем, нельзя утверждать, что такой подход всегда противоречит частным интересам участников процесса. В данном случае скорее можно говорить о нормативном закреплении приоритета одних публичных интересов над другими публичными интересами применительно к стадии назначения судебного заседания. Круг оснований для назначения предварительного слушания определен в ч. 2 ст. 229 УПК РФ и включает вопросы, которые разрешаются судом именно в заседании, но до начала судебного разбирательства по уголовному делу. Разрешение этих вопросов в закрытом судебном заседании не отвечает в большей степени публичным интересам, поскольку способен подорвать доверие общества к органам предварительного расследования и суду. В частности, это касается оснований возвращения уголовного дела прокурору (ч. 1, 1.1, 1.2 ст. 237 УПК РФ), свидетельствующих о допущенных органами предварительного следствия и дознания нарушениях или ошибках. По такой же логике разрешается в предварительном слушании и вопрос об исключении доказательств, полученных с нарушением закона (ст. 235 УПК РФ). В таком же закрытом режиме принимается и решение о назначении судебного разбирательства с участием коллегии присяжных заседателей. В последнем случае, например, освещение журналистами информации, полученной в ходе предварительного слушания, может повлечь негативные последствия для хода рас-

смотрения дела, повлиять на беспристрастность присяжных, привести к распуску коллегии.

В уголовно-процессуальном законе закреплено, что проведение предварительного слушания должно осуществляться с учетом требований, касающихся общего порядка подготовки к судебному заседанию (глава 33 УПК РФ), общих условий судебного разбирательства (глава 35 УПК РФ) и порядка проведения подготовительной части судебного заседания (глава 36 УПК РФ). Но изъятия из правила гласности допускаются и в самом судебном разбирательстве, которое является по общему правилу открытым и обеспечивающим реализацию соответствующих конституционных норм, гарантирующих участникам процесса, публике и представителям средств массовой информации присутствие в зале судебного заседания в ходе рассмотрения уголовного дела. Поэтому соответствующие ограничения допустимы и в предшествующей судебной стадии. Хотя предварительное слушание является судебным заседанием, но в нем в большинстве случаев не разрешается дело по существу, а совершаются процессуальные действия, направленные на создание условий по обеспечению в дальнейшем судебного разбирательства уголовного дела. Специфика рассматриваемых в предварительном слушании вопросов ставит под сомнение целесообразность его проведения в условиях гласности, с соблюдением всех без исключения общих условий судебного разбирательства с точки зрения обеспечения как публичных, так и частных интересов. Большинство опрошенных по данному вопросу Т. К. Рябининой практических работников также разделяют позицию законодателя. С целесообразностью ограничения гласности при проведении предварительного слушания согласились 73,7% опрошенных судей, 70,5% прокуроров и 67,9% адвокатов [Рябинина, Т. К., 2021, с. 278].

Однако вызывает сомнения соответствие императивности правового предписания, закрепляющего исключительно закрытый порядок проведения предварительного слушания, принципу состязательности и задачам этой стадии, связанным с обеспечением прав участников процесса. Полагаем, что ч. 1 ст. 234 УПК РФ может быть скорректирована путем закрепления в ней возможности разрешения данного вопроса судом с учетом мнения сторон.

Определенный интерес с точки зрения реализации гласных начал в судебном разбирательстве представляет вопрос об особом мнении судьи. Закон предусматривает, что при постановлении приговора судья, оставшийся в меньшинстве, вправе изложить в письменном виде особое мнение (ч. 5 ст. 301 УПК РФ), которое приобщается к приговору и не подлежит оглашению в зале судебного заседания (ч. 5 ст. 310 УПК РФ). Такой подход в значительной мере был нацелен на то, чтобы у публики и сторон не сформировалось мнение о неправосудности постановленного приговора. Однако в 2013 г. соответствующие уголовно-процессуальные нормы были скорректированы⁹ и в новой редакции предусматривают, что при провоз-

⁹ Федеральный закон от 21 октября 2013 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка ознакомления с особым мнением судьи».

глашении приговора председательствующий сообщает о наличии особого мнения судьи и разъясняет участникам судебного разбирательства право в течение трех суток заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи и срок такого ознакомления (ч. 5 ст. 310 УПК РФ). Таким образом, законодатель пошел на компромисс. С одной стороны, до широкой публики не доводится информация о том, что судьи не пришли к единому мнению по рассмотренному уголовному делу, что должно защитить публичные интересы, связанные с отправлением правосудия, которое может стать предметом неконструктивной критики со стороны непрофессиональной публики или средств массовой информации. С другой стороны, закон ограничивает частные интересы участников процесса не полностью, допуская право сторон ознакомиться с особым мнением судьи.

Отметим, что вопрос ознакомления с особым мнением судьи в отечественном уголовно-процессуальном праве давно является предметом достаточно острой научной дискуссии [Рябинина, Т. К., 2017, с. 88]. Основные научные подходы к решению этого вопроса оформились в 90-е гг. прошлого века. Была высказана точка зрения, согласно которой особое мнение судьи – это элемент тайны совещания судей и о его содержании никто не должен знать, кроме судей вышестоящих судов [Лебедев, В. М., ред., 1997, с. 479]. Другие авторы уточняли, что закон охраняет тайну совещания судей, суждений, высказанных в ходе совещания. Но эта охрана не охватывает тайну убеждения каждого судьи, тем более что часто именно судья, оставшийся при особом мнении, будучи убежден в своей правоте и ошибочности принятого судом решения, желает, чтобы о его мнении знали другие [Кокорев, Л. Д., Котов, Д. П., 1993, с. 142]. Именно такая позиция нашла отражение и в УПК РФ, установившем, что судьи не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении приговора (ч. 2 ст. 298 УПК РФ), что не исключает возможности при провозглашении приговора довести до сведения участников уголовного судопроизводства и иных лиц тот факт, что один из судей остался при особом мнении. К сожалению, при корректировке уголовно-процессуальных норм не все вопросы были разрешены. Например, остался открытым вопрос относительно допустимости доведения до участников процесса при ознакомлении с особым мнением фамилии судьи, его выразившего.

Определенный приоритет публичных интересов над частными (а равно и над иными, менее значимыми по логике законодателя публичными интересами) просматривается в существующем в российском уголовном процессе порядке провозглашения приговора. Именно на этом этапе судебного разбирательства гласность получила свое максимально широкое содержательное наполнение, поскольку предполагает не только беспрепятственный доступ публики в зал судебного заседания, но и получение обществом информации о результатах рассмотрения уголовного дела. Правила оглашения приговора последний раз были скорректированы в 2022 г.¹⁰ и

¹⁰ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

коснулись ч. 7 ст. 241 и ч. 1 ст. 310 УПК РФ, позволяя председательствующему оглашать только вводную и резолютивную части приговора. Очевидно, что в данном случае публичный интерес, связанный с процессуальной экономией, с оптимизацией судебной деятельности, признан приоритетным. Обеспечивая тем не менее баланс публичных и частных интересов, законодатель компенсировал сторонам неоглашение описательно-мотивировочной части приговора возможностью вручения им копий полного текста приговора в течение пяти суток со дня его провозглашения (ст. 312 УПК РФ). Кроме того, для лиц, присутствующих в открытом судебном заседании, предусмотрено право вести аудиозапись и письменную запись, а с разрешения суда – и видео- и фотосъемку (ч. 5 ст. 241 УПК РФ). Тем самым доступ общества к информации о судебном разбирательстве все же обеспечивается.

Ряд вопросов, связанных с гласностью и открытостью уголовного судопроизводства, лежит не только в процессуальной, но и в организационной плоскости. Это касается размещения на сайтах судов информации о принимаемых судебных решениях и деятельности пресс-служб судов. Это организационный механизм, который вместе с процессуальным должен обеспечить общественный контроль за отправлением правосудия и определенную «прозрачность» судебной деятельности.

С проблематикой гласности судебного разбирательства связан и вопрос проведения выездных судебных заседаний. Выездные заседания получили широкое распространение в советский период как имеющие большое общественное значение. Н. В. Радутная подчеркивала, что гласность «...обеспечивает доступность судебной деятельности населению и гарантирует ее подконтрольность избирателям. Наглядность и убедительность деятельности народного суда, который широко использует выездные судебные заседания, применяя закон в условиях широкой гласности, служат иллюстрацией действенности правовых гарантий и обеспечивают условия для оценки гражданами обоснованности и справедливости принятого решения» [Радутная, Н. В., 2010, с. 156]. В 90-е годы XX в. такая практика подверглась критике со стороны ученых [Бозров, В., 1997]. Действующее уголовно-процессуальное законодательство, хотя и не исключает выездного формата проведения судебного заседания, не регламентирует детально его особенности, в том числе вопросы обеспечения гласности. Следует согласиться с теми исследователями, которые настаивают на необходимости изучения данной проблематики и внесении дополнений в уголовно-процессуальный закон [Жданова, Я. В., Крапчатова, И. Н., 2018, с. 816]. Потребность в проведении таких заседаний зачастую связана не с достижением превентивных или воспитательных целей, а с необходимостью проверки доказательств, участием в процессе лица, которое отбывает наказание или находится в лечебном учреждении. В настоящее время нормативно порядок проведения таких заседаний определен недостаточно детально и требует уточнения и конкретизации. Хотя законодатель предпринял шаги к тому, чтобы минимизировать вероятность проведения таких заседаний, и ввел в УПК РФ ст. 241.1, регламентирующую особенности дистанционного судебного разбирательства с использованием систем

видео-конференц-связи¹¹, полностью в обозримом будущем исключить ситуацию выездных судебных заседаний невозможно. Это связано и с ограниченными техническими возможностями, и со спецификой отдельных уголовных дел. Соответственно, встает вопрос о применении принципа гласности к судебным заседаниям с использованием систем видео-конференц-связи и к собственно выездным заседаниям. И вопрос этот требует изучения и разрешения на нормативном уровне с тем, чтобы обеспечить разумный баланс между публичными интересами, связанными с отправлением правосудия и процессуальной экономией, и частными интересами участников уголовного процесса.

Обсуждение и заключение

Отход от фундаментального конституционного принципа гласности при рассмотрении уголовных дел допускается только в целях охраны более значимых, охраняемых законом интересов. В такой конструкции даже частный интерес участника процесса перестает быть исключительно частным и приобретает некий публичный характер, поскольку публичное распространение информации о тех или иных сторонах его жизни в предусмотренных законом случаях может иметь негативные последствия не только для этого лица, но и для общества и общественных ценностей в целом. В силу этого обстоятельства в уголовном процессе большинства государств гласность может ограничиваться, когда речь идет об интимных сферах жизни участников процесса.

Закрепление в нормах закона исключений из правила открытости судебного разбирательства по уголовным делам образует лишь правовое основание для охраны судом публичных и частных интересов участников процесса и иных лиц. Однако применение любого исключения из правила требует наличия соответствующих фактических оснований, закрепленных в материалах конкретного уголовного дела. Эта фактическая составляющая процесса ограничения должна определить рамки реализации судом дискреционных полномочий и позволяет суду проверочной инстанции проверить обоснованность и законность принятого судом решения.

В любом случае ограничение гласности в целях обеспечения иных значимых частных и публичных интересов не может носить абсолютного характера, поскольку вводная и резолютивная части приговора оглашаются судом всегда в открытом судебном заседании после постановления этого приговора или иного судебного решения. Отступление от данного принципа должно проводиться в тех минимальных границах, которые позволяют обеспечить необходимый баланс законных интересов участников процесса и общества в целом.

В перспективе необходимо исследование проблематики обеспечения баланса публичных и частных интересов в контексте реализации конституционного принципа гласности с учетом трансформации уголовного процесса в условиях его нарастающей информатизации. Отдельного внимания

¹¹ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

заслуживает и ряд других вопросов, связанных с обеспечением гласности в разных стадиях и производствах. Разработка конструктивных предложений российскому законодателю и научно обоснованных рекомендаций правоприменителю может быть проведена более эффективно при условии изучения позитивного опыта отдельных государств.

Список источников

- Бозров В. Выездные процессы? Я – против! // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 41.
- Вилкова Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, характеризующие деятельность суда // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 34–36.
- Володина Л. М. Система принципов уголовного судопроизводства // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 5–6 апр. 2016 г. (г. Москва). М. : РГУП, 2016. С. 52–58.
- Гурова О. Ю. Теоретические и практические проблемы назначения судебного заседания по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.
- Жданова Я. В., Крапчатова И. Н. Международные и государственные стандарты гласности судебного разбирательства в уголовном процессе России: теория и практика // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2018. Т. 28, вып. 6. С. 812–817.
- Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2018. Т. 14. С. 270–280.
- Качалова О. В., Хроменков И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Правосудие. 2023. Т. 5, № 1. С. 177–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.177-192.
- Кирющенко И. И. Открытость и прозрачность информации о судебной деятельности в аспекте формирования судебского корпуса // Российский судья. 2022. № 7. С. 53–56. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-53-56.
- Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 224 с. ISBN: 5-7455-0684-9.
- Кони А. Ф. Курс уголовного судопроизводства. М. : Американская ассоциация юристов, 2011. 280 с. ISBN: 978-1-61632-110-9.
- Лотыш Т. А. Принцип состязательности и гарантии его обеспечения в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 20 с.
- Макарова З. В. Гласность советского уголовного судопроизводства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 3. С. 91–94.

Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 564–593. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.

Марковичева Е. В. Условия ограничения гласности судебного разбирательства по уголовному делу // Уголовный процесс. 2024. № 3. С. 88–96.

Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под общ. ред. В. М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Спарт, 1997. 788 с. ISBN: 5-88914-071-X.

Потапенко С. В. Открытость и гласность судопроизводства в свете Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. Т. 35, № 1–2. С. 5–17. DOI: 10.17323/tis.2020.13391.

Радутная Н. В. Избранное. М. : РАП, 2010. 349 с. ISBN: 978-5-93916-260-9.

Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. 545 с.

Рябинина Т. К. Нравственные аспекты постановления приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 86–94.

Свежинцев Е. И. Реализация конституционного права на доступ к информации и гласность уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 93–97.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. 1. СПб. : Альфа, 1996. 552 с. ISBN: 5-87062-032-5.

Шигуров А. В. Контрольный и правовосстановительный характер стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, ее место в механизме обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Защита прав, свобод и законных интересов личности в российском уголовном судопроизводстве : моногр. / Л. Д. Калинкина и др. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2006. С. 149–167. ISBN: 5-7595-1725-2.

References

Bozrov, V., 1997. [Exit processes? I'm against!]. *Rossijskaya yustitsiya* = [Russian Justice], 5, p. 41. (In Russ.)

Foynitsky, I. Ya., 1996. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* = [Course of criminal proceedings]. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg. (In Russ.) ISBN: 5-87062-032-5.

Gurova, O. Yu., 2005. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy naznacheniya sudebnogo zasedaniya po ugolovnym delam* = [Theoretical

- and practical problems of scheduling a court hearing in criminal cases]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 25 p. (In Russ.)
- Kachalova, O. V., Khromenkov, I. R., 2023. Provision by the court of legal interests in the pre-trial stages of criminal proceedings. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 177–192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.177-192.
- Kaminsky, E. S., 2018. [On public and private interests in criminal proceedings]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya* = [Scientific Notes of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice], 14, pp. 270–280. (In Russ.)
- Kiryushchenko, I. I., 2022. Openness and transparent nature of the information on court activities in terms of judiciary staff establishment. *Rossijskij sud'ya* = [Russian Judge], 7, pp. 53–56. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-53-56.
- Kokorev, L. D., Kotov, D. P., 1993. *Etika ugolovnogo protsessa* = [Ethics of criminal proceedings]. Voronezh: Publishing House of Voronezh University. 224 p. (In Russ.) ISBN: 5-7455-0684-9.
- Koni, A. F., 2011. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* = [Course of criminal proceedings]. Moscow: American Bar Association. 280 p. (In Russ.) ISBN: 978-1-61632-110-9.
- Lebedev, V. M., ed., 1997. *Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu RSFSR* = [Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR]. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Spark. 788 p. (In Russ.) ISBN: 5-88914-071-X.
- Lotysh, T. A., 2003. *Printsip sostyazatel'nosti i garantii ego obespecheniya v ugolovnom sudoproizvodstve* = [The principle of adversarialism and guarantees of its provision in criminal proceedings]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 20 p. (In Russ.)
- Makarova, Z. V., 1986. [Glasnost of Soviet criminal proceedings]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie* = [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 3, pp. 91–94. (In Russ.)
- Manova, N. S., Baranova, M. A., 2019. Principles of criminal proceedings as implementation of moral foundations of criminal procedural activities. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 45, pp. 564–593. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.
- Markovicheva, E. V., 2024. [Conditions for limiting the publicity of judicial proceedings in a criminal case]. *Ugolovnyj protsess* = [Criminal Process], 3, pp. 88–96. (In Russ.)
- Potapenko, S. V., 2020. [Openness and transparency of legal proceedings in the light of the Concept of information policy of the judicial system for 2020–2030]. *Trudy po intellektual'noj sobstvennosti* = [Proceedings on Intellectual Property], 1–2, pp. 5–17. (In Russ.) DOI: 10.17323/tis.2020.13391.

- Radutnaya, N. V., 2010. *Izbrannoe = [Selected papers]*. Moscow: Russian Academy of Justice. 349 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-260-9.
- Ryabinina, T. K., 2017. [Moral aspects of sentencing]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = [Siberian Criminal Procedural and Forensic Readings]*, 2, pp. 86–94. (In Russ.).
- Ryabinina, T. K., 2021. *Realizatsiya sudebnoj vlasti na stadii podgotovki ugolovnogo dela k sudebnomu zasedaniyu: teoriya i pravoprimenenie = [Implementation of judicial power at the stage of preparing a criminal case for a court hearing: theory and law enforcement]*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Saratov. 545 p. (In Russ.)
- Shigurov, A. V., 2006. [Control and restorative nature of the stage of preparing a criminal case for a court hearing, its place in the mechanism for ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings]. In: L. D. Kalinkina, et al. *Zashchita prav, svobod i zakonnykh interesov lichnosti v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve = [Protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the individual in Russian criminal proceedings]*. Monograph. Saransk: Mordovian Book Publishing House. Pp. 149–167. (In Russ.) ISBN: 5-7595-1725-2.
- Svezhintsev, E. I., 2017. [Implementation of the constitutional right to access to information and transparency of criminal proceedings]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 1, pp. 93–97. (In Russ.).
- Vilkova, T. Yu., 2017. Principles of criminal procedure and the general conditions of the trial, characterizing the activities of the court. *Rossijskaya yustitsiya = [Russian Justice]*, 1, pp. 34–36. (In Russ.)
- Volodina, L. M., 2016. [System of principles of criminal proceedings]. In: *Printsyipy ugolovnogo sudoproizvodstva i ikh realizatsiya pri proizvodstve po ugolovnym delam = [Principles of criminal proceedings and their implementation in criminal proceedings]*. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference, April 5–6, 2016 (Moscow). Moscow: Russian State University of Justice. Pp. 52–58. (In Russ.)
- Zhdanova, Ya. V., Krapchatova, I. N., 2018. International and domestic standards of publicity of judicial proceedings in the criminal process of Russia: theory and practice. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Ekonomika i pravo = [Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law]*, 6, pp. 812–817. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Марковичева Елена Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российской государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Elena V. Markovicheva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Radutnaya Criminal Procedure Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94).

Tatyana K. Ryabinina, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Procedure and Forensic Science Department, South-West State University (94, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 02.07.2024; принята к публикации 08.10.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 02.07.2024; accepted for publication 08.10.2024.